

ГРАНАТА ЗА ПАЗУХОЙ (в штрафной роте. 1943 год)

23 марта в расположении роты появился командир с адъютантом из штаба 123-й дивизии, в состав которой вошла наша рота. Состоявшая в основном из штрафников, она вполне могла называться батальоном, так как численность ее личного состава превышала 250 человек. Дивизией командовал генерал-майор Иванов. От бойцов этой прославленной дивизии узнали, что в состав 55-й армии ее включили на время проведения Красноборской операции. До этого 123-я занимала оборону на Карельском перешейке. Прибывший командир, узнав о том, что командир роты погиб, а ротой командует командир первого взвода красноармеец Роговенко, внимательно выслушал его боевой рапорт об активности противника, о наличии бойцов и их самоотверженной стойкости, о вооружении, о снабжении.

— Молодцы! Доложу Военному совету армии, но сейчас вам придется еще труднее, а продержаться на этом участке нужно еще суток двое. Работу артиллерии и минометов усилим. А пока выделите немедленно двадцать пять надежных бойцов, назначьте старшего. Боевую задачу поставлю лично. В чем суть дела — узнаете. На подготовку — четыре минуты.

Для формирования боевой группы четырех минут даже много, Роговенко просто называл фамилии находившихся поблизости. Тех, кто выглядел совсем ослабевшим, возвращал обратно. Ему помогал расторопный красноармеец Райда, исполнявший обязанности командира взвода.

— Группа готова, старшим назначается Ковалёв.

Боевая задача состояла в следующем. На расстоянии одного километра к югу от нас один из наших танков ворвался на линию обороны противника. Атаку немцы отбили, все другие танки и пехота отошли на исходные рубежи, а ведущий танк с десантом застрял под носом у противника. Экипаж танка героически отбивается, ждет помощи. Но силы десанта на исходе. Угроза захвата нашего танка вполне реальна. К участку леса надо прорваться через болотистую лесную поляну, контролируемую с севера и юга немцами, обеспечить охрану экипажа танка до прибытия помощи. Командир, обращаясь ко мне, посоветовал:

Григорий Поликарпович Ковалёв родился в 1917 году на хуторе Гезов в Воронежской области. Работал на заводе. В 1938—1942 годах служил на кораблях Амурской флотилии. В 1942 году по приговору военного трибунала за опоздание из увольнения был отправлен в штрафную роту на Ленинградский фронт. Был тяжело ранен и контужен взрывом снаряда, после чего освобожден из штрафной роты. В 1943—1944 годах служил на канонерских лодках «Ока» и «Зея». Воевал под Ленинградом (корректировщик артиллерийского огня), на Финском заливе и в Моонзундском архипелаге (сигнальщик). С 1945 года на сверхсрочной службе. Командовал отделениями сигнальщиков, преподавал сигнальное дело в ВВМУ им. Фрунзе, служил помощником командира торпедного катера. В 1957—1962 годах участвовал в испытаниях ядерного оружия на Новой Земле. В 1962 году уволен в запас в звании мичмана. Работал в охране Военно-морского музея, сторожем в универмаге. Умер в 2002 году, похоронен в Санкт-Петербурге.

— Ваше продвижение обязательно обнаружат, и вы попадете под автоматнопулеметный огонь с близкого расстояния справа и с тыла. Продвигайтесь короткими перебежками с интервалом не более десяти метров. Команда для всех — ваши личные действия. Для примера держитесь впереди. Скажете тем, которых хорошо знаете, — своим надежным друзьям, чтобы не отставали от вас.

Из надежных рядом находились только двое — Бойченко и Каримов, задачу они поняли без разъяснений.

Командир закончил напутствие словами:

— За ходом продвижения группы я буду наблюдать с этого места. За тем редколесьем и кустарником станет легче, а сейчас — вперед!

Обратившись к Роговенко, приказал:

— Немедленно всей ротой откройте огонь и демонстрируйте атаку. Не жалейте горла, кричите «ура» и что хотите.

Усталость была такая, что быстро бежать никто не смог бы и по ровной дороге, а тут кочкастое, залитое водой болото, но, напрягая откуда-то взявшиеся силы, бойцы короткими бросками преодолели половину опасного участка, как на образцовом учении. Помог шум, организованный отчаянным Роговенко. Наконец немцы поняли, что их дурачат, и вскоре группа из двадцати бойцов попала в рой пуль. Перебежки стали совсем короткими и редкими, пули засвистели не только справа, но и с дальней опушки — почти навстречу нам.

Мои действия служили командой для двигавшихся следом бойцов. Я падал, когда находил нужным. Через несколько минут вскакивал и, махнув рукой вперед и пробежав метров десять, оглянувшись, снова падал. После каждого такого броска людей поднималось все меньше. И вот спасительная маскировка — кусты. Упали и отдышались рядом со мной двое — Бойченко и Каримов. В надежде, что еще кто-нибудь добежит сюда, смотрели на поляну. На ней были заметны движения раненых, уползавших в обратном направлении, темные бугорки убитых и тяжелораненых, безнадежно ожидавших помощи. До кустов не добежали только те, кто был убит или ранен. Если бы среди нас оказались трусы, их бы расстрелял командир, а может быть, и сам Ваня Роговенко.

Убедившись, что к нам больше никто не присоединится, Бойченко и Каримов выжидающе смотрели на меня: что дальше?

Прежде всего нужно было определить свое состояние и возможности. Бойченко болезненно морщит лицо, расстегнув ремень и засунув руку под шинель, ощупывает правый бок. Пальцы левой руки испачканы кровью. Пуля навывлет пробил поясной ремень, прошла под кожей. Мышцы не задеты — такое касательное ранение считается легким (угоди она на два-три сантиметра выше — повреждены были бы ребра и печень). У меня тоже легкое ранение, полученное вчера ночью, — на правом бедре. Боль чувствуется только в состоянии покоя. На рану Бойченко под рубаху наложил смоченную йодом подушечку пакета первой помощи и зафиксировал бинтом поврх гимнастерки.

Каримов считает дыры от пуль в своей почти новой шинели, которой он очень гордится и которую бережет. Рыжий, крепкого сложения татарин, по-русски говорит плохо, зато постоянно внимательно слушает, пристально смотрит в глаза, безошибочно угадывает, о чем идет речь и что от него требуется. Приказания исполняет ревностно, очень злится, если кто-то опередит его в деле. Молча, удивленно смотрит то на дырки, тыкая в них пальцем, то на нас. Произнес только: «А крови нет». Бойченко удивляется: так много пуль его задело, а раны ни одной...

Не удивлялся бы Каримов, если бы мог знать, что где-то здесь, совсем близко, оружие в руках немецкого солдата уже заряжено патроном, пуля которого окажется коварнее тех шести, что пролетели мимо, повредив только одежду.

Медленно идем в заданном направлении, внимательно осматриваясь по сторонам. Оружие готово к немедленному бою. Если сегодня голоса немцев слышны так близко справа, то почему бы им не просочиться вот сюда, где можно хорошо замаскироваться в кустах, за редкими деревьями и в кочках на болоте? Странно: где же здесь передовая линия нашей обороны? Ее просто не существует.

Лес становится все гуще, но вдруг кончается, а недалеко на опушке мы видим танк с тридцатиградусным дифферентом на нос. Водитель не заметил глубокой воронки или просто ямы, и машина весом 60 тонн клюнула в нее — и двигатели заглохли. В линии обороны противника, как и у нас, очень неустойчивой, образовалась вмятина. Немцы отошли метров на триста к густой полосе леса и там закрепились. Танк оказался под их прицелом с фронта и с флангов. Хорошая приманка, но в танке почти полный комплект снарядов и патронов для пулемета. Десант тоже был помехой. Танкисты рады нам, теперь они не одни. Сознывая, что рядом кто-то есть, сидеть в танке спокойнее. Сказали нам выбрать места для обороны, хорошо замаскироваться и быть начеку. Немцы все время шарят кругом, подходя совсем близко, и кричат, чтобы мы сдавались в плен.

Прямых следов попадания снарядов в танк и повреждений нет. Зато много следов от осколков и пуль. От попаданий бронебойных пуль следы на броне в виде оспин.

Бойченко держится за бок и смотрит на нас умными глазами грустно и прощально, словно предчувствуя беду. Заметив мой беспокойный взгляд, улыбнулся слабенькой улыбкой, пытался приободриться, но не получилось. Улыбка и бодрость, как огонек тоненькой свечки на ветру, гаснут. Каримов лежит на животе, его лицо часто опускается между кочек, он утоляет появившуюся жажду. Он всегда молчит и постоянно что-то соображает и что-то делает. Напившись, Каримов внимательно, по-хозяйски осматривает свою винтовку, приоткрывает затвор, проверяя, есть ли в патроннике патрон: посмотрел, трогает патрон пальцем, как бы не веря своим глазам, закрыв затвор, кладет оружие рядом с собой, оставив его на боевом взводе. Смотрю на него, спрашиваю: «На предохранитель ставил?» Отрицательно вертя головой, с видом человека, глубоко понимающего суть дела, произносит: «Так лучше». Затем неугомонный Каримов идет к танкистам и кланчит у них закурить. Старшины молча делятся последними крохами эрзаца. Осторожно сворачивая сигарку, по-восточному сложив ноги калачиком, садится передо мной и, не говоря ни слова, не моргая, выжидательно смотрит мне в глаза. Это означает: у тебя самое хорошее кресало, давай прикурим и вдвоем будем курить. Курим взятяжку по очереди. Когда сигарка в моей руке наклоняется ближе, его глаза расширяются, следят, не делается ли затыжка больше того, что называется «поровну». Понимаю, что человеческое достоинство превыше всего, поэтому затыжки мои короче нормальных. Каримов это замечает.

Может быть, поэтому, когда на следующий день я скажу ему: «У тебя тяжелое ранение и высокая температура, не теряй время, уползай отсюда, может быть, останешься в живых, а здесь тебе и, наверное, всем нам, скоро будет каюк», — упоминая Аллаха и шайтана, надрывно кашляя и выплевывая кровь, Каримов твердил: «Нет, пусть что угодно. Я до конца буду с тобой».

Очень холодно и голодно. Глаза закрываются, но расслабляться нельзя, нужно постоянно все видеть и слышать. Каримов предлагает вдвоем обследовать новое место нашей дислокации.

Голод не тетка... Кроме того, хочется найти немецкий автомат с патронами, гранату, пистолет. Напарник уже рыскает, наклонившись, деловито что-то рассматривает. А я, прежде чем последовать его примеру, решаю все-таки осмотреться.

Нельзя быть таким беспечным. Влез на танк и сразу, на расстоянии примерно трехсот метров, увидел двух немецких солдат. Как ни в чем не бывало, набросив оружие на ремень, они медленно шли вправо, в сторону леса. Став на правое колено и положив винтовку на башню танка, хорошо прицелился, сделал выстрел. Хорошо стрелять я научился задолго до военной службы, в 1934—1935 годах в Осоавиахиме, а на службе еще больше наострился. Не верю, что на этот раз промахнулся. Такие отличные условия для стрельбы с упора при отличной видимости, а главное — самостоятельно, без команды и контроля со стороны начальства. Из танка послышался голос: «Попал?» Отвечаю: «Не знаю. Упали оба». Тот же голос: «Падают и когда близко просвистит пуля». Отвечаю: «Про это знаю». Другой голос, наверное, командира танка: «Много ты, видать, знаешь. Лучше слезай с танка, пока не полетел оттуда вверх тормашками, как это было здесь с некоторыми, не дразни их больше, если не хочешь, чтобы и в эту ночь они организовали сабантуй».

Я ухожу туда, где ведет свой поиск Казанская Сирота (такую кличку дали Каримову остряки), а Бойченко смотрит беспокойным взглядом, слабым голосом говорит мне вслед: «Не увлекайтесь, не попадите на мушку...»

Мы настолько измучены, что нет сил правильно сориентироваться и сообразить, что делать и как себя вести. Бродим, делая зигзаги, незаметно удаляясь от танка, и вдруг слышим из кустов спокойный разговор немцев.

Немедленно залегли. Внимательно осмотрелись, осторожно и благополучно откочевали на свое место. Находиться в танке тоже не мед, хотя и сухо, — там, наверное, холодно и жутко.

Подбодренные тем, что их полку все-таки прибыло и что мы еще и инициативу какую-то проявляем, танкисты вылезли из танка, хлопчут вокруг него, жалуются Бойченко, что не работает рация. Говорят, что их пытались вытащить, но не получилось. Приказали держаться, обещали не оставить в беде. Надеются, что этой ночью, может быть, прибудет аварийно-спасательная группа. По их словам, это единственный новый танк в их бригаде. Узнав от меня, на каком расстоянии и в каком направлении только что слышали немецкую речь, три танкиста не обратили на это почти никакого внимания. Я был удивлен этим, как и тем, что из танка они вылезли одновременно все, вместо того чтобы выходить по одному, если нужно поразмяться или сделать что-то другое.

По совету Бойченко и одного из танкистов мы втроем выбрали для себя неплохие позиции. Кроме основных, организовали по две запасных, маневренных, чтобы создать у противника впечатление, что у танка находятся не три человека, а больше. На всех рубежах оставили подобранные вокруг винтовки и автоматы с патронами.

День заканчивался, и танкисты сделали последнюю на сегодня вылазку, поднялись во весь рост, чтобы забраться в машину, и в этот момент, с близкого расстояния, застрочили длинные очереди нескольких автоматов. Каримов, Бойченко и я из винтовок открыли ответный огонь. После каждого выстрела, прежде чем сделать следующий, секунду тратили на то, чтобы посмотреть в опасную зону. Целью стрельбы противника могло быть отвлечение внимания от его групп, подбиравшихся с других сторон. Тишина наступила через минуту. Бойченко и Каримов живы, а как танкисты? Все трое ранены, один, видно, тяжело. С предельной осторожностью стреляем. Стрельбу возобновили после того, как танкисты скрылись в танке. Скрытые темнотой, мы превратились в слух и зрение. Думалось о том, что же принесет ночь после такого дня.

Совсем тихо и темно. Впереди, на юго-западе, на опушке леса, где немецкая оборона, слышны четкая, местами понятная чужая речь и нудный зуд губной гармошки, а вскоре шорох осторожных шагов. Валежник, кочки, лужи воды — тихо не прой-

ти и не проползти, особенно в темноте. За звонким выстрелом двухствольной ракетницы застрочили немецкие автоматы. Две белые ракеты, выпущенные почти вертикально, на высоте до двухсот метров, утратив силу толчка, сделав маленькую траекторию, разгорались, спускаясь над нами. Вот так ночь! Куда светлее, чем днем. Пока шипящие ракеты не сгорели, автоматчики не жалели патронов, прочесывая освещенную вокруг танка местность. То, что нас только трое, а не больше, свело к нулю шансы попадания пуль по назначению. Танкисты, несмотря на ранения, все-таки сумели произвести два выстрела из пушки и прострочить несколько очередей из пулемета. С наступлением затишья каждый из нас сделал по два винтовочных выстрела, которые условно означали: «Я жив», после чего, соблюдая осторожность, сменили позиции. Я вспомнил слово «сабантуй», сказанное днем танкистом. Это был *малый сабантуй*. Большой сабантуй немцы устроили часа через два...

Мы знали свое очень ненадежное положение: казалось, достаточно половине немецкого взвода дружно броситься с трех сторон к танку — и все будет кончено с нами, с танком и его экипажем. Но немцы не знали, сколько нас, и не шли в атаку. Трусили. Боялись напороться в темноте на штык или выстрел в упор.

Подсветки больше не было. В сопровождении стрельбы вокруг танка рвались ручные гранаты с промежутками в десять секунд. Оглушенный, я успел только приготовить свою единственную гранату, чтобы взорвать ее в случае, если на меня набросятся. Этого не случилось — снова наступила внезапная тишина. Живы ли друзья? Сделал два выстрела, справа — тоже два выстрела. Это Каримов, а Бойченко молчит. Если убит — одно дело, а если ранен и истекает кровью? Все равно теперь менять место, поползу к нему...

...Оружие беспорядочно разбросано на месте, а Бойченко нет. Что здесь случилось, я понял тогда, когда нащупал шапку и перчатки друга. Здесь же лежала неготовая к бою немецкая граната, потерянная в возне вражеским солдатом. Вот, оказывается, в чем состояла цель немецкого наскока, и они достигли ее.

В правой руке почувствовал небольшую боль. Легкие осколки гранаты, пробив манжету шинели, впились в кожу возле кистевого сустава. Выковырял их. Это пустяк, кисть работает. О рваной шинели на спине и плече узнал на вторые сутки. Немцы считали нас дураками, почти все их гранаты рвались у танка. Думали, что мы ютимся возле него.

До случая с Бойченко и после него я убеждался в правильности где-то прочитанных и запомнившихся слов: чем сложнее обстановка, тем слабее чувство страха и меньше колебаний. Мысль и поступки решительнее. Случившееся вызвало откуда-то взявшийся прилив сил и решимости. Да и чего теперь бояться? Удовлетворенные враги удалились. Теперь они волокут обессиленную жертву или, подкалывая ножами, гонят впереди себя.

Иду сообщить о случившемся Каримову, тут же возвращаюсь туда, где остались лежать шапка и рукавицы Бойченко. А ведь это место было приготовлено мною для себя. Здесь мы лежали вдвоем. Последние слова товарища были: «Я останусь здесь, а вы идите туда», — и я безвольно согласился, устроился на его месте. Что заставило Бойченко сказать так — жалость к младшему по возрасту или уважение к старшему по боевому заданию?

В одной из любимых фронтовиками песен есть слова:

Давай с тобою поменяемся судьбою,
Махнем не глядя, как на фронте говорят.

Создана эта песня на основе фронтовой традиции. При встрече или расставании земляки или подружившиеся бойцы обменивались предметами солдатского

обихода. Чаще всего это были алюминиевые котелки и ложки, на которых в минуты досуга они острым ножом вырезали с разными завитушками свои фамилии, имена и отчества и всякие слова, какие были на душе. Слово «сменяем» заменили словами «махнем не глядя». Когда эти слова произносил один, а второй соглашался, оба доставали из кармана или вещмешка какую-то вещь и дарили друг другу. Ничего, если вещи не совсем совпадали по материальной ценности. Такой подарок имел огромную моральную ценность.

Для меня же слова припева особенно дороги, потому что тогда, под Красным Бором, мы с Бойченко в прямом смысле слова поменялись судьбами...

В конце ночи тишину нарушили наши полковые минометы и орудия. Разрывы первых мин — в ста метрах впереди нас. После каждого залпа установка на квадранте угломера меняется, и мины ложатся все дальше и дальше в сторону противника. Вот снаряды наших пушек рвутся уже где-то на вражеских огневых позициях. Создаются условия для спасения танкистов. А совсем скоро мы услышали в рассветных сумерках нарастающий шум быстро приближающихся танков. Они уменьшили скорость, развернулись на 180 градусов, остановились, приглушив моторы.

Это танки другого типа — слабее того, который попал здесь в беду. На броне каждого — по восемь десантников. Ребята, сразу видно, на подбор. Группой командует порядительный и храбрый немолодой старший лейтенант. Его левая щека сильно изуродована шрамом от осколочного ранения. Старший лейтенант одет в совершенно новенький, без единого пятнышка, белый дубленый полушубок. На фоне здешней невероятной слякоти и грязищи выглядит он более чем странно. Даже Каримов, молчаливый и безразличный ко всему, кроме страшного холода и той ситуации, в которой мы оказались, буркнул: «Вот человек живет, ему совсем нехолодно».

Десант занимает оборону. Тот, кого называют сержантом, с изумлением смотрит на меня и щедро угощает настоящим табаком. Судя по тому, как выглядели Каримов и исчезнувший Бойченко, мой внешний вид заслуживал не меньшего внимания и удивления. Рассказав, что здесь случилось, я подарил сержанту немецкую гранату и спросил, умеет ли он такими пользоваться. Он кивнул. Поделился и сухарями. А чего еще в нашем положении хотеть? Воды? Так она вокруг. Бедствие становится удобством.

Два танка завели буксиры. Наступили долгожданные минуты, когда пострадавшая машина будет вытащена и все муки людей, связанные с ее аварией, останутся позади, но — увы!..

Самый ответственный момент, от которого зависит успех работы: после заведения и закрепления буксирных устройств нужно на самых малых оборотах двигателей, без малейших рывков, выбрать слабинку тросов до их полного натяжения и только после этого давать малый ход, внимательно наблюдая, как ведет себя буксируемый, смещается ли он или остается незыблемо на своем месте. Вес аварийного танка 60 тонн, к его весу нужно прибавить такую же силу присоса к глинистому грунту.

Трудно сказать — что зависело от руководителей работ, а что не зависело, но только был допущен гибельный рывок. В месте обрыва буксирного стального троса сверкнул пучок искр. Увязший в яме танк лишь слегка вздрогнул и остался на месте. Наступило замешательство. Почти совсем рассвело, и противник, оправившись от удара нашей артиллерии и поняв, что происходит, открыл довольно точный, сосредоточенный огонь. Среди десантников появились раненые. В нормальных условиях, несмотря на то, что один буксирный трос порван, работу можно успешно завершить, но здесь... Стрельба противника становилась точнее, а сверху, по радио, поступила правильная команда: работу немедленно прекратить, танки вывести в безопасное место, половину десанта оставить на месте.

К сожалению, как раз половина прибывших уже была ранена, они и убили на двух танках. Артиллерийская дуэль сторон продолжалась недолго. Немцы умолкли после нескольких залпов «катюш».

Старший лейтенант предупредил одного бойца и сержанта, получившего в подарок трофейную гранату, чтобы они были готовы с ним вскоре отступить. Невероятно, но факт: сержант спокойно заявил своему командиру: «Я член партии и не уйду от своих бойцов». Старлей не возразил. Просто приказал другим двоим вернуться и доложить командиру подразделения, занимающего линию обороны, следующее: немцы рядом, их можно видеть, слышать, они проявляют активность, своих за спиной не чувствуем, линию обороны необходимо приблизить к танку.

Бойцы, получив задание, ушли, но совсем скоро один вернулся, с трудом держась на ногах, тяжело дыша, махнул рукой и произнес: «Там немцы». На вопрос «Где?» рассказал:

— Мы шли на расстоянии друг от друга. В кустах услышал «Хальт» и «Хенде хох». Бросился бежать, были выстрелы.

— Теперь ты знаешь, где немцы, — сказал командир, — с тобой пойдет... — старший лейтенант резко повернулся в сторону, где в цепи, с интервалом в несколько метров, лежали красноармейцы. Было видно, как бойцы, повернув головы вправо, внимательно слушали разговор. А когда командир произнес последнее слово и посмотрел на нас, головы бойцов опустились ниже. Было ясно почему. Я понял, что выбор падет на меня, что-то помешало отвернуться.

— Вот ты, с бинтом на руке, пойдешь с ним, — приказал командир.

Напарник мой шел быстро, у меня кружилась голова и болела нога, расстояние между нами становилось все больше и больше. Странно, что он ни разу не оглянулся и направление держал именно туда, где, по его же словам, были немцы. Убедившись, что мне скорохода не догнать, решил держаться левее. В одиночку действовать лучше, как-то свободнее. Кусты. Полянки, завалы от сбитых с деревьев веток. Пробираюсь осторожно — и вот грозный оклик: «Стой!»

Двое красноармейцев с очень строгими, решительными лицами, убедившись, что свой, опускают оружие, а из воронки голос:

— А я тебя, парень, хотел из пулемета — тово, да они помешали.

Подвели к лейтенанту, пытаются доложить обо мне, но он занят. Лейтенант сидит с пистолетом, направленным в стоящего на коленях тощего, пожилого бойца. «Товарищ лейтенант, это неправда», — молит боец. «А зачем ты винтовку бросил?»

Противно видеть такую сцену и не хочется терять время. Подошел ближе и настоял, чтобы выслушали, кто я и что нужно.

— Ведите в штаб, — распорядился лейтенант.

Отошли с бойцом метров двадцать... За спиной раздался звук пистолетного выстрела.

...Командир взвода разведки ведет в землянку. Вместо двери две распятые шинели. Лужа воды во всю землянку завалена хвойными ветками. Жалкое освещение от фонаря «летучая мышь». Лейтенант догадался усадить меня на ящик, спасибо ему. В углу землянки два радиста часто сменяют один другого, дважды повторяют свой позывной и позывной адресата. Они настолько измучены, что речь их понять можно с большим трудом: языки заплетаются и рты еле открываются. Как только их голоса смолкли, старший лейтенант настойчиво потребовал продолжать вызов. Тип радиции — «РБ». Работает ли она у них? Может быть, батареи сели? В таком состоянии радисты могут просто не заметить этого.

За столом из ящиков спит человек. Его осторожно будят. Просыпается. Лицо давно не бритое. На вопрос «Кто это?» разведчик потом уклончиво ответит: «Он теперь выполняет обязанности многих...»

Выслушав мой короткий рапорт, командир сдвинул на край стола котелок и еще что-то, посмотрел на карту и устало произнес:

— Танк находится в системе нашей обороны.

Я повторил еще раз сказанное, подозревая, что он настолько устал, что до его сознания не полностью доходит суть дела. Добавил еще, что немцы ведут себя нахально: перехватывают наших людей, идущих от передовой к танку или обратно. Командир сказал лейтенанту: «Пошлите с ним двух разведчиков, пусть уточнят обстановку».

Разведчики смотрели на меня как-то криво. Я торопился, а они медлили, и напрасно. Было бы лучше, если бы ушли сразу. Я спросил, нет ли у них чего-нибудь поесть. Пожевали хлеб, потом закурили и в это время услышали со стороны противника вой сирен — залпы их шестиствольных минометов. Бойцы, которых можно было видеть вокруг, бросились в укрытия. Мы по одному втиснулись в неглубокие ниши, вырытые в штабелях торфа. Восемь 120-миллиметровых мин одним залпом накрыли наш квадрат. От близкого разрыва звенело в голове. Меня засыпало торфом. Медленно выбрался и увидел, что батарея полковых минометов нанесен большой урон. Два миномета, наверное, выведены из строя, лежат на земле, рядом со штабелем мин горят пустые ящики. Толстая пожилая медсестра, обутая в резиновые сапоги, в грязи болота оказывает помощь раненым. Один из моих разведчиков ранен, второй явно контужен, пытается оказать помощь напарнику. Лейтенант, очень занятый последствиями обстрела, послал меня подальше...

Поняв, что мне задерживаться здесь нет смысла, я ушел, прихватив в противогазовую сумку патронов для автоматов и сунув туда же краюху недоеденного хлеба.

День был пасмурный. Единственного ориентира — солнца — совсем не видно. В этой очень сложной обстановке в моем положении прежде всего следовало как-нибудь сориентироваться на местности и выбрать хотя бы приблизительно верное направление, но усталость была такой, что сил для этого не нашлось. Совсем не думая, я брел, не сомневаясь в том, что путь мой верный. Станным казалось только то, что живых на моем пути не попался ни один человек, а мертвых было много. Где-то поблизости должна быть передовая обороны. Пройду, думалось мне, ее, скажу командиру — куда и зачем, а дальше буду двигаться со всей возможной осторожностью. А пока оружие можно нести, набросив через плечо за спиной. Подобрал чистенький, но без единого патрона в магазине немецкий автомат. Это была моя мечта. Орудовал им, как палкой, ковыряя в разных местах землю в надежде найти к нему патроны.

Чем дальше, тем чаще останавливался, осматривался, желание поскорее встретиться с живыми усиливалось. Впереди, довольно далеко, увидел фигуры людей. Ну, вот и хорошо. Стало немного веселее; успокоившись, продолжал двигаться по направлению к ним, осматриваться совсем перестал. Люди уже так близко, что слышен треск переламываемых веток. Подумал — все ясно: маскируют линию занятой обороны. И тут слух уловил немецкую речь. Остановился. Поднял голову: в тридцати метрах увидел немецких солдат, которые действительно готовили линию обороны, только повернутую в нашу сторону.

Один солдат из группы старательно работавших в полном изумлении, вытянув шею, смотрел на меня, как, наверное, смотрят на привидение. Толкнул рукой стоявшего рядом и что-то ему сказал. Мне нельзя было выражать удивление — оно бы меня выдало. Мое спасение — сохранять спокойствие, выражать безразличие, равнодушие. Главное — в руках у меня «шмайсер» — точно такой же, как у них, а шинель больше похожа на немецко-итальянскую, чем на нашу. Меня бросило в жар — рефлекс, который срабатывает при смертельной опасности. Организм включил все резервы. Граната? Рано. Надо использовать любую возможность выйти из почти безвыходного положения. Ведь я пока не подстрелен, ноги и руки не связаны.

Дурачить врагов долго не удастся. Вопрос решится в течение считанных секунд. Я не нападаю и не убегаю. Пусть думают, что хотят... Стараюсь сохранить вид человека, увлеченного поиском чего-то. Но медленный темп моего маневрирования не позволит быстро приблизиться к кустам. Наклонившись, я начал делать быстрые короткие перебежки зигзагами — так выглядит человек, старающийся поймать какую-то зверушку, но ему никак не удастся ее схватить — она все время ускользает... Сквозь шум в ушах и голове от усиленного кровообращения слышу голоса, потом окрик — «Хальт!» — и что-то еще, но кусты уже рядом. Сейчас последует выстрел. В прямом смысле слова нырнул в кусты. Запнулся. Упал — и очень хорошо. Автоматные и пистолетные пули пролетели выше — мимо. Ужом прополз несколько метров. Автомат бросил. Снял из-за спины карабин: уверен, что меня постараются поймать или убить.

Старший из немцев отдает какие-то команды. Глядя вперед и по сторонам, открываю затвор: ладонью по рукоятке, снизу и назад. Толчок рукой вперед — оружие готово к выстрелу... Но что это? Ладонь скользнула по открытой магазинной коробке. Не сработала затворная задержка. Затвор вылетел — искать его нет смысла. Такое может случиться только в кустах: коварная ветка... Теперь — только граната. Сейчас на меня набросятся — это конец. Сгибаю усики чеки взрывателя: теперь ее легко вынуть, дернув пальцем кольцо. Разжать ладонь — и все. Вначале зашипит, потом взорвется.

Но погони нет. Не нужно терять время. Дальше, за кустами, поляна метров двести, за нею лес. Бежать через поляну нужно без передышки. Посреди поляны белое пятно снега. Не подозревая ничего плохого, бегу и проваливаюсь в глубокую воронку, наполненную рыхлым снегом, льдом и водой, ноги вязнут в жидком иле дна. Глубина метра полтора. Сам себе нашел могильную яму и угодил в нее. С какой стороны ни появиться враг — в ловушке меня видно как на ладони. Если будут преследовать, взорву гранату. Смотрю туда, откуда может появиться неприятель. Странно и невероятно, но там никого нет. Не суются. Сами, наверное, перетрусили и теперь, вспомнив о боевом охранении, принимают меры.

В метре от меня убитый боец, рядом с ним винтовка и много рассыпанных обойм с патронами. Теперь, если появятся из кустов, хоть немного смогу повоевать. Граната за пазухой. Открываю затвор винтовки: магазин пустой, а из патронника вылетает пустая гильза. Стрелял человек до последнего патрона. Патронные подsumки тоже пусты. Не думая и не подозревая ничего худого, хватаю обойму патронов и вдавливаю в магазинную коробку. Пятый, верхний патрон, как положено, загоняю в патронник, но затвор не закрывается — выстрела не будет. Надо выбираться. Может, и не суждено моим костям тлеть именно в этой яме... Вылез, бегу. За спиной стрельбы нет, но в кустах, куда я ворвался, меня еще раз берут в плен — уже наши. Вот беда. Свой среди врагов, чужой среди своих. Берут, да как! Угрожая штыками, орут: «Бросай оружие!» — и свирепо ругаются. Но мне не только не обидно, а даже приятно: ругаются-то по-русски.

Грозный тон смягчился после первых моих слов.

— Что орете? Немцы рядом. Это они стреляли по мне. Вот винтовку возьмите, она не стреляет.

Один не унимался (наверное, старший), вырвал висевший у меня на поясе нож, спросил: «Еще оружие есть?» — «Граната за пазухой, только выну ее сам, потому что она приготовлена к взрыву». Опешили мои пленители — момент крайне опасный, но уже верили, что перед ними не враг. Старший примирительно сказал: «Доставай...» Я вынул гранату из-за борта шинели, и все убедились, что опасность мною не была преувеличена, а, скорее, наоборот. Чека взрывателя с кольцом от движения выдвигается.

нулась и держалась в отверстии на самом кончике. Сделал, что нужно, протянул гранату старшему, но он только выругался и небрежным жестом дал понять, чтобы мое осталось при мне. Один из бойцов успел осмотреть винтовку и, тоже ругнувшись, пробурчал:

— Какой же дурак стреляет из нашей винтовки *немецкими* патронами?

И дал мне другую винтовку, а эту бросил.

* * *

Молодой деловой лейтенант развернул карту. Хочет уточнить, где я вчера и сегодня видел немцев и где танк. Мне тоже полезно взглянуть на карту, чтобы выбрать правильное направление.

...К танку вышел точно в том месте, с которого мы втроем увидели его вчера. Десантники, сгрудившись, сидели у гусениц правого борта. Обрадованный, во весь рост шагал к ним, не обращая внимания на их взмахи руками вверх-вниз. Понял, когда из-за танка послышались выстрелы в мою сторону. Пули пролетели близко. Пришлось залечь и ползти.

Одетый в полушубок ушел с раненым еще в начале дня. Старшим оставил танкиста, который еще ни разу не выходил из танка. Он ругливый и злой, как мне сказали его товарищи. То, что ругливый и злой значит неумный, что полагаться на такого старшего особенно нельзя, не догадывались.

Каримову пуля насквозь пробила грудь рядом с сердцем, задела легкое. Он часто и глубоко кашляет, плюет кровавой слюной. Чтобы наложить повязку, нужно и без того замерзшего раздеть. К ранам на груди и под лопаткой присохла одежда. Кровотечения нет. Поэтому перевязку делать нет смысла. В одной из брошенных сумок первой помощи нашел для Каримова аспирин. У него температура. Предлагаю ему, пока светло или когда стемнеет, уходить, но упрямец без раздумья решительно мотает головой.

Спрашиваю: почему собрались у танка? Достаточно одной гранаты или меткой очереди — и всем конец. Один из четверых неуверенно отвечает, кивая головой на танк: «А он ничего не говорил...» На реплику не возражаю, но демонстративно занимаю крайнее дальнее место, где все еще валяются никому не нужные вещи Бойченко. Поделится принесенными патронами. Сам решил довериться лежавшему тут же автомату ППД, к которому вчера отнесся с подозрением. Говорили, что у него заедания, дает только одиночные выстрелы или совсем короткие очереди.

Полностью снарядив магазин автомата, попробовал экономно стрельнуть. Вроде бы ничего, работает, а если перестанет, то тут же лежат несколько винтовок. Ну и, конечно, граната за пазухой. Рассказали, что ту трофейную гранату, что подарил сержанту, бросили в немцев, и она взорвалась. Автомат тоже не подводил. В танке слышали, о чем мы говорили, молчание свидетельствовало об их согласии с тем, что делалось нами, но в последний момент, когда все уже разместились, кто как мог, из танка раздался окрик: «Только не стреляйте!» Но ведь может появиться необходимость стрелять... Не подумал об этом командир танка.

Справа и слева кусты, а передо мною, в моем секторе, участок открытого, ровного болота. Успокоился. Все сделано. Начал осматриваться. Метрах в ста на фоне болота — заметный бугорок. То, что он шевелился, могло показаться усталым глазам, но обстановка не позволила раздумывать.

Автомат на удобном упоре. В прицеле темное пятно, оказавшееся каской живого немца. Длинная очередь из автомата... Все повернули головы в мою сторону.

В чем дело и как это я мог? А из щели приоткрывшегося люка танка властный вопрос: «Кто стрелял?» Хриплым от простуды голосом выкрикнул: «Я стрелял» — и в оправдание, как бы сами собой, вырвались слова: «Я убил немца». Из люка высунулась рука с револьвером и прозвучало: «Вот здесь семь богов, так тебя...» Люк закрылся. Не поверил мне танкист, что стрелял я не напрасно. Надо ему и всем доказать это. Если это немец, то приблизился он сюда не один, а в составе группы, которая предприняла вылазку.

И теперь мне, сделавшему удачный выстрел, ползти по открытому месту, где со мною могло случиться то, что случилось с немцем, ползти без приказа, ползти в одиночку, не попросив, чтобы прикрыли на всякий случай или хотя бы знали о моем решении. Правильно оценить свой поступок мешали и усталость, и чувство обиды на того, кто прятал свою шкуру под броней танка. Держа автомат наготове, я осматривался по сторонам, полз очень долго и медленно. Чем ближе, тем больше внимания. Не шевельнется ли голова в каске? Нет. От такого кучного попадания умирают мгновенно. В затылочной части каски следы пуль, край кромки отбит, сталь хрупкая, сухая, видны трещины, а вокруг дыр от пуль — заусеницы. Рядом справа — ручной пулемет с полным магазином, пулемет такой чистенький, как будто его только что вынесли из арсенала. Перевернул труп на спину. Вместо лица — маска из застывшей крови. На ремне пистолет в кобуре и полевой перископ... Дешево и сердито: чтобы видеть, не нужно высовывать из укрытия свой лоб. Под курткой мундир, на каждом мундире много карманов, и в каждом что-то есть. Для меня все имеет значение как вещественное доказательство того, что стрельба была вызвана необходимостью. Кроме того, кое-что требовалось нам для снабжения.

Все укладывалось в противогазную пустую сумку. Все, кроме часов. Часы до войны были большим дефицитом и стоили дорого. Для большинства не по карману. Во время войны часы вообще для простых людей стали считаться неуместной роскошью. Не все, кто имел часы, показывали их, боясь прослыть мздоимцем, спекулянтом или вором. Взять же часы или другую ценность у трупа считалось мародерством. И обстановка не позволяла надеяться на то, что тебя ждет жизнь и возможность попользоваться предметом, который обладает какой-то стоимостью.

У того танкиста, который никому не нравился, была другая мораль...

На груди у немца знаки «За рукопашный бой» и «За зимнюю кампанию на Востоке 1941—1942 годов». Какое звание? Не понял. Не до того было, успел только заметить что-то белое на его погоне. Наверное, унтер или фельдфебель. Документов при нем никаких. В двух его бумажниках, отца двоих детей, осиротевших в тот день, лежало другое... Не только ни у кого из нас — ни у одного пацифиста не шевельнулось бы чувство сожаления, что где-то в Берлине, на какой-то штрассе, получив извещение, заплачут вместе с матерью двое детей. Пусть поплачут. Забыли слова, сказанные в их адрес: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». Не мы к ним пришли, а они к нам. А теперь уж, если мы придем...

Наши меня не видят. Все четверо собрались там, где кашляет Каримов, под задранной кормовой частью танка. Командир танка должен понимать, что это непорядок. Почему же он сейчас не рыкает на них, как он умеет? Голосом, чтобы услышали, говорю: «Так к вам и немец любой подойти мог бы». Они сказали, что обсуждали, куда я ушел — к своим или к немцам. Увидели — удивились.

Услышав разговор, появились танкисты. Пришлось сделать лопуху командиру замечание, что именно вот так, одной очередью, был ранен вчера экипаж этого танка. Кажется, человек уже поумнел, по крайней мере, спеси значительно поубавилось. Не спеша, без удовольствия, двое скоро возвращаются на свое место. Не теряя времени и не глядя на окружающих, молча смотревших на меня, установил, как по-

ложено, принесенный немецкий пулемет и дал в сторону противника пробную короткую очередь. Пусть думают, что у нас здесь все как следует и нам плевать на них. Попробуй сунься, если хочешь остаться лежать, как вон тот...

Сказал, чтобы кто-нибудь лег к пулемету и смотрел в оба. Согласны все. Оказывается, они этот *гадючий* пулемет изучали, и теперь каждому хотелось проявить себя. «Гадючим» его называли потому, что наружная сторона ствола имела винтообразную форму. Имелось в виду и то, что оружие было отнято у *гадов*.

Все терпеливо и молча ждали. Хотели посмотреть — что там в сумке. Вытряхнул содержимое. Блеснул черный пистолет системы «парабеллум». Его я сразу отдал старшему, тот от неожиданности обрадовался и растерялся. Лучше по-хорошему, чем конфликтовать: как-никак — начальство... Подобревшим взглядом смотрит, что еще вывалилось из сумки. Две пачки сигарет, на них изображен негроидного вида атлант, держащий руками что-то над головой. Одну отдал всем, а начатую оставил себе. Немедленно закурили. Табачок, в сравнении с махоркой, слабенький, но запах необыкновенный. Не знаю, как назывался этот сорт сигарет. Младший лейтенант назвал его «Мечта в окопах». Подумал: на ходу исправляется, по-человечески стал разговаривать и, перестав жалеть пистолет, отдал его хозяину два запасных магазина. Три тощих сигары со словами «Трем танкистам...» отдал ему же. Круглая, из желтой пластмассы масленка, в ней немного маргарина. Немцы, видно, тоже не катались как сыр в масле, а обходились часто эрзацем. Отдал Каримову, который по-деловому выгреб пальцами содержимое и, облизав, сунул банку в карман. Молодец! Знает цену всему. Держать табак в такой посудинке — не то что в кисете. Не помнется. Во фляге немного чего-то... Похоже на портвейн. Для всех это ничто, а для раненого может быть полезно.

Перископ пошел по рукам, каждый хотел посмотреть в него. Граммов двести-триста конфет, похожих на шоколадные. Но где там. Соевые — тот же эрзац, но сладость настоящая. Всем поровну.

Теперь надо выяснить личность, которая доставила нам все это. Два бумажника светло-бежевой кожи, с тиснеными видами какой-то готики, вроде — церквей. Один толстый, другой наоборот. В одной половине первого, толщиной в палец, пачка советских тридцаток, во второй — в половину меньше, рейхсмарки и марки оккупационные. Разочарование полное. То, что находилось в тощем бумажнике, было чуть-чуть интереснее. В одной половине две фотокарточки размером 9 на 13. На одной Гитлер. На обратной стороне надпись по-немецки: «Русский должен умереть, чтобы мы жили». Некоторые не захотели даже брать фотографию в руки. Ее разорвали и бросили. На второй — во весь рост сидит фрау, а по бокам стоят мальчик и девочка дошкольного возраста. На обратной стороне красивым готическим почерком, зелеными чернилами краткая надпись — кому и от кого. В другой половине несколько писем, написанных тем же почерком, на конверте обратный адрес: Берлин... штрассе... и так далее. Кто-то взял зажигалку и консервированный хлеб. Остался лежать предмет, в котором все узнали ручку для заводки патефона. Это я впопыхах не разобрался, что это. Трудно было понять: если это ручка от коломенского патефона, то почему она в кармане гитлеровца. Подозрение одно: пока он отсутствует, там, в землянке, никто не сможет пользоваться его патефоном. Берёг. Наверное, собирался послать подарок своим в Берлин. Не вышло.

Боец, который был шустрее других, согласился с оживившимся, вошедшим в роль старшим сползая вдвоем к убитому фрицу. О своем намерении старший мне ничего не сказал, не предупредил даже тех, кто в танке. Человек явно не на месте, занимается не своим делом. Его боевая задача — используя все возможности, охранять танк, а не пускаться в авантюры, подставляя лоб под пули. Но мое дело маленькое,

и я сказал ему: «Будем прикрывать». Он, взбодороженный, только кивнул в знак согласия. Имелось в виду следующее: если немцы из группы того, кто приполз с пулеметом, еще поблизости, то стрельбой можно создать у них впечатление, что они обнаружены, и не дать им поднять голову. Правда, противник, потеряв одного из своих смелых, опытных разведчиков и почувствовав на нашем участке обороны оживление, может вызвать минометный огонь, но что делать? Обстановка такая, что нужно рисковать.

Операция длилась так долго, что, стреляя короткими очередями, неожиданно перестал работать мой автомат. В чем дело? Заедание? Нет, опустел магазин. Тут возвратились двое, усталые, но довольные.

Автомат я бросил. Вооружился винтовкой со штыком. Предчувствие не обмануло. Давно сказано, но правда: пуля, может быть, в наше время не такая уж и дура, но штык — молодец. Пригодился. Получилось, что если бы не штык, то с автоматом утром следующего дня мне бы был капут...

Обращаю внимание старшего на состояние Каримова, который говорит, что не сможет сам найти дорогу и выбраться отсюда. Старший злится, долго думает... потом говорит: «Ночь продержаться бы нужно...»

Мы вдвоем с Каримовым под танком. До конца ночи еще далеко, из танка слышны слова команды: «Уходите вдвоем». Третий — молоденький боец, с трудом держится на ногах. Что с ним? Контузия или температура, мне не до того... Тьма непроглядная. А тишина гробовая. Попробуй пройди без шума, да еще на ощупь. Надо, но не получается...

Каримов на ходу то и дело теряет сознание, спотыкается и часто падает. Что-то выкрикивает в бреду, неожиданно срывает с моего плеча свой карабин, отступив на шаг от меня, стреляет. Оглушенные звуком выстрела (дульная часть карабина оказалась рядом с моим лицом), мы вдвоем вырвали оружие из рук обезумевшего.

Светало. Отряды санитарной службы спешили подобрать всех раненых. Передал им Каримов, остался один. Что теперь делать? Мне тоже предлагали уйти, даже противостолбнячный укол сделали. Отказался. Решил пробраться туда, где вела бой наша рота.

А там только мертвые. Своих узнаю по шапкам, фасоном совсем непохожих на военные образцы. Каски только у тех немногих, кто смог обзавестись ими уже здесь, на поле боя. Побелевшие лица убитых и умерших от ран стали размером в кулак, знакомых узнать трудно. Их черты заострились и выглядели странно.

Бойцы, занявшие оборону, догадываются, что я один из тех, которых они сменили, и не обращают на меня внимания, а напряженно ожидают первый бой. Искать кого-нибудь из командиров и спрашивать что-то о своих не имеет смысла — и так все ясно. Двое сказали, что в начале прошлой ночи им приказали занять оборону, не доходя метров двести досюда. Считали, что здесь немцы. После того как разведка обнаружила на этом месте не немцев, а несколько человек своих, новая часть выдвинулась сюда, а остатки моей роты ушли. Теперь без всяких сомнений мне можно уходить, и как можно скорее. Ночью немцы обычно не воюют, а день уже начинается.

В ту минуту, когда, докурив щедрую щепотку табака, данную каким-то пожилым мужичком, я хотел подняться, чтобы уходить, начался минометный обстрел. Нужно переждать, когда утихнет, и тогда уносить ноги, если одна из мин не разорвется близко и ее летящие осколки не успокоят меня навсегда.

А вдруг последует атака? Ведь они вот так и начинаются — огневым минометным налетом обороняющиеся прижимаются к земле, наблюдение ослабевает. Попробуй поднять голову... Частично выбывает из строя состав и вооружение, а тем временем под шумок, тихой сапой, на расстоянии нескольких десятков метров приближается противник и, чтобы окончательно ошеломить, бросает гранаты, а затем

с криком и стрельбой бросается в атаку. Так уже случалось. Именно так вышло и в этот раз. Расчет противника был правильный, но с атакой он опоздал. На месте растаявшей в бою нашей роты свежее немецкое подразделение наткнулось на только что подошедшую и успевшую хорошо расположиться и приготовиться к бою другую роту. А может, то был батальон... У них были ручные пулеметы, у каждого бойца гранаты, а у некоторых автоматы.

Наступил момент, когда разрывы мин и гранат прекратились, а нечастые выстрелы в упор стали заглушаться отчаянными, дикими выкриками на двух языках.

Впереди меня высокий, длиной по фронту метров тридцать, грунтовый бруствер. Расположенный за ним наш пулемет молчит. К брустверу бегут немецкие солдаты: из-за этого укрытия им удобно будет стрелять.

Лучшего момента для броска гранаты, которая давно просится в дело, не найти. Бросил, спрятался, потому что осколки гранаты Ф-1 имеют убийную силу в радиусе до двухсот метров. Услышал взрыв своей гранаты, бросился вдоль бруствера налево, и тут состоялась встреча, да какая!

Немец, находившийся на ровном месте и на полметра выше, пользуясь выгодой своего положения и тем, что увидел меня раньше, торопливо занес назад винтовку для удара. Чтобы отразить штыковой удар и самому нанести его, требовалось левой рукой подхватить винтовку, находившуюся в опущенном положении в правой. Времени для этого не было. Свободной левой рукой мне удалось ухватиться за немецкий штык в тот момент, когда он был готов вонзиться мне в грудь, и оттолкнуть его влево. А свой штык бессильным, запоздалым и поэтому бесполезным движением направить в нужную сторону — вперед.

Очень кстати оказалось мое неожиданное падение. Споткнулся или, скорее, поскользнулся: ведь я бежал из выемки по крутому склону. Немец тоже потерял равновесие, упал вверх ногами и вниз головой, а его штык воткнулся мне в голень под колено. Рывком, в который были вложены все силы, я вырвался из-под тяжести его тела и, выхватив нож, ударил им трижды в шею, под каску. Фриц сразу перестал вопить и дергаться.

Почему он орал и дергался, почему не убил меня? Стало ясно, когда мелькнула мысль немедленно взять в руки оружие, как этого требовал момент боя. Оказалось, что конец штыка моей винтовки торчал из нижней части спины врага. Напоролся.

Шум скоротечного боя стихал. Сил еле-еле хватило только на то, чтобы разобратся, что с ногой. Ничего особенного. Тройной слой толстой, плотной парусиновой обмотки и ватные шаровары помогли. Похоже, что штык воткнулся в тот момент, когда его хозяин падал и винтовку в руках держал слабо. Незнакомый боец показал кончик штыка и сказал: «Глубина раны — три сантиметра».

Смотрю на свою окровавленную винтовку и ничего не соображаю: что теперь с ней делать и что делать вообще?

Спасибо, помогли. Со словами «Бросай это дерьмо» чьи-то руки дали карабин: «Уходи отсюда поскорее, пока жив».

Опираясь на оружие, часто прилегая для отдыха и тогда, когда свистели пули или близко рвалась мина, я медленно брел, доходяга с маленькой надеждой на жизнь, туда, к опушке леса, где недалеко проходило Московское шоссе...